

Кузьмина. - 1992. - 28 нояб. - С. 5

Люся пишет ОТТУДА

Не могу никак отделаться от придумки сценария. А сюжетец такой. Война. Гостиница-общепитие, где живут главы всех коммунистических партий. Живут трудно, напряженно. А внизу, на первом этаже в комнатухе — швейцар, не швейцар — вахтер что ли. Не очень-то он знает, что есть кто. Все они для него люди, оторванные от дома, горемыки. Он их жалеет, старается помочь: кому кипяточку в неурочный час согреть, кому махорочки, с кем поговорит, ночью бессонницу поможет скоротать. Кончается война. Победа. Все разъезжаются. И... мать честная! То в одной газете, то в другой видит он лица своих «горемык». И тут... Может, он едет в гости... Это ведь так было. Была и гостиница Коминтерна, и, наверное, такой человек мог быть! Сказал Люся о том, что мысли о сценарии есть, не хватает его таланта. Обещал, вернувшись из Киева, заняться.

За день до Нового года мне передали письмо от Люси Каплера.

4 декабря 1948 года.

Борис, дорогой мой!

Не могу себе представить, что не повидал тебя и не заехал, когда ты меня ждал. За последние полтора года я с тобой очень часто беседовал, советовался с тобой, примечал к тебе, а ты и не подо-

«Крутится, вертится шар голубой...». Простая песенка простого рабочего паренька Максима, «визитная карточка» замечательного русского актера Бориса Чиркова. Роль «срослась» с исполнителем (в советском кино так было еще только с Борисом Бабочкиным — Чапаевым). Между тем Б. П. Чирков, достигший успеха, всенародного почета и благодарности наивысших, вовсе не был так «постоянно ясен», как его герой. Он, конечно, тоже жил вместе со своей страной, болел ее бедами, но по «сю» сторону экрана и беды были тяжелее, и конфликты кровянее.

зревал об этом. Меня, видишь ли, заколотило написать одну вещь. Я этим заболел так, что только случившееся со мною несчастье вывело меня из этого состояния, да и то не совсем и не навсегда. Теперь, когда я немного отряхнулся и пришел в себя, снова и снова я возвращаюсь к этой вещи. Писать я надумал о Льве Толстом, и это так же далеко от биографической картины, как мы с тобой сейчас друг от друга. А это очень далеко, может быть, не ближе, чем жизнь от смерти. Так вот — я абсолютно твердо уверен, что это была бы огромнейшей силы, совершенно необыкновенная картина. Работал я над этим и много нарвелся, и насмеялся, и замирало сердце (простите за образ) перед вдруг открывающимися очень, очень большими вещами. Мо-

жет быть, я сошел с ума, может быть, я ужаснейшим образом заблуждаюсь, но мне виделось громадное произведение, ни на что бывшее даже отдаленно не похожее. Объяснить точнее можно только одним способом — написать его от начала до конца. Я делал это на тебя, так же, как писал когда-то на Бориса Васильевича, не говоря с ним ни о чем. Вначале мне казалось, что, кроме таких твоих свойств, которые явно смыкаются с Толстым, есть и такое, что мешается и не укладывается никак в образ. И вот, в драке с этими твоими чертами и появилось, мне думается, самое интересное — неожиданный сплав того, что от старика, и того, что есть ты, — какое-то взрывчатое, эксцентрическое качество, совершенно замечательное, ужасно радостное и единст-

В издательстве «АРТ» готовится к печати книга — дневники Б. П. Чиркова, воспоминания о нем. Сегодня мы предлагаем вам короткий фрагмент. Кроме знаменитой трилогии о Максиме, при чтении отрывка надо вспомнить еще и не менее знаменитую дилогию о Владимире Ильиче — сценарий фильмов «Ленин в Октябре» и «Ленин в 1918 году» написал Алексей Яковлевич Каплер — для друзей Люся. А роль вождя сыграл Борис Васильевич Щукин, он тоже упоминается в тексте. Остальное, в том числе и откуда «пишет Люся», читатель поймет сам.

венно верное. Я думал, что эта работа и для тебя была бы беспредельно важной и стала бы таким же, а быть может, и гораздо большим событием, чем Максим. И нужно бы, и пора бы тебе сделать такое очень высокое. Я приехал, засуетился, а настоящий разговор с тобой отложил на несколько дней до возвращения из Киева. И вот что из этого вышло. То обстоятельство, что на имени Толстого пытается спекулировать реакция, делает еще во много раз важнее тему Толстого. Считаю, что я сумасшедший, но я не теряю надежды, что еще сделаю эту работу с тобой. А кроме того, я очень люблю тебя и очень хотел с тобой повидаваться. Для меня мир — это меньше всего то, что меня реально сейчас окружает, мой мир — это то, от чего я оторван, это несколько

дорогих мне близких человек, я продолжаю жить в общении с ними. И ты, Боринька, один из этих нескольких людей. Мне хочется, чтобы ты знал, о чем я применительно к тебе думаю. И еще о многом личном хотел я с тобой поговорить, и не пришлось. Крепко обнимаю тебя и целую, дорогую.

Алексей Каплер.

Если захочешь написать — дай сестре, она мне перешлет. Мне привет передай обязательно.

5 января 1949 года. Уже много дней хожу, потрясенный письмом Люси Каплера. И не тем, что то, что с ним произошло, более чем несправедливо, — слишком много вокруг подобного.

Потрясение мое от чистоты и мужества самого тона письма. Письма, написанного

человеком, полным любви, самоотречения, веры и ласки к людям, и написанного «ОТТУДА».

А я продолжаю ходить, сниматься, есть, репетировать — в общем, жить.

21 января. Вот она, жизнь какая! Что-то теряешь, что-то находишь. Радость и горе рядом.

Из Франции я привез «Тяжелую Лиру» и «Путем зерна» Ходасевича. Поэт удивительнейший, на все и на все времена.

А сейчас я хожу и твержу его:

Странник прошел,
опираясь на посох, —
Мне почему-то
припомнилась ты.

Едет пролетка
на красных колесах —
Мне почему-то
припомнилась ты.

Вечером лампу зажгут
в коридоре —
Мне непременно
припомнишься ты.

Что б ни случилось,
на суше, на море
Или на небе, — мне
вспомнишься ты.

В этом стихотворении для меня сейчас все.

У меня появился человек, о котором я думаю все время и которому я с полным правом говорю «ты» и называю «моя».

Я перестал быть «странником»! У меня есть дом!